

венность журналисты несут только денежную — по решению суда выплачивают потерпевшему ту или иную сумму за материальный и моральный ущерб.

В 1993 г. была предпринята попытка провести закон об ограничении демонстрации насилия по телевидению, но реального результата она не дала. Правда, руководители телекомпаний добровольно согласились несколько сократить показ такого рода сцен, но касалось это главным образом не репортажей и не документальных фильмов, а игрового кино. То же можно сказать и о показе по телевидению откровенной эротики. Противники введения юридических ограничений на показ насилия и эротики боятся, как бы это не привело к ограничению свободы печати, к установлению цензуры. Ведь если ввести юридические ограничения, появится орган, которому будет дано право решать, что можно показывать, а что нельзя. В этом, пожалуй, и следует видеть основную причину того, что в Соединенных Штатах нет не только закона о средствах массовой информации, но и единых для всей страны кодифицированных правил журналистской этики. Баланс между свободой средств массовой информации и интересами общества соблюдается в США в основном благодаря давним традициям, благодаря чувству ответственности и уважения к своей профессии, которые свойственны большинству американских журналистов.

Бен Брэдли

ДЖЕНЕТ КУК *

Дженет Кук — так зовут красивую чернокожую женщину, обладающую недюжинной энергией и выдающимся литературным талантом. А еще Дженет Кук — это крест, который американская журналистика, особенно газета “Вашингтон Пост”, а еще точнее ее редактор Бенджамин С. Брэдли, вынуждены влечить всю жизнь. В возрасте двадцати шести лет она написала блестящую и острую статью о восьмилетнем мальчике-наркомане, которого постоянно колот героином сожитель его матери. Статья появилась на первой странице воскресного номера 28 сентября 1980 г. и произвела на публику огромное впечатление. 13 апреля 1981 г. Дженет Кук получила за нее Пулитцеровскую премию.

Ранним утром 15 апреля 1981 г. Дженет призналась, что она все придумала: не было никакого Джимми, не было никакого сожителя. С этого момента имя Дженет Кук вошло в язык как олицетворение худшего в американской журналистике, точно так же как “Уотергейт”^{***} стал символом ее лучших достоинств.

Я узнал об этой статье еще до публикации. Я прочел ее за неделю до того, как она появилась на первой странице, и нашел ее интересной. Она называлась “Мир Джимми” и начиналась так:

“Джимми восемь лет, и он наркоман в третьем поко-

* Глава из книги Ben Bradlee. *A Good Life. Newspapering and others Adventures.* Simon & Shuster. N-Y. 1995. Мемуары бывшего редактора-администратора “Вашингтон Пост”.

** За журналистское расследование дела “Уотергейт” газета “Вашингтон Пост” и сам Брэдли получили ряд высоких журналистских наград. Ред.

лении. Это развитой маленький мальчик с волосами песочного цвета, бархатными карими глазами и следами уколов, которые как веснушки были рассыпаны по детски нежной коже тонких коричневых рук.

Он примостился в большом бежевом откидывающемся кресле в хорошо обставленном доме в юго-восточной части Вашингтона. На его маленькой круглой мордашке всегда ангельское выражение, о чем бы он ни говорил — одежде, деньгах, футболе или героине. Он наркоман с пятилетнего возраста.

Руки заложены за голову, ноги обуты в модные кроссовки, очень дорогая полосатая футболка болтается на тоненьком тельце. “Правда, клевая! У меня таких шесть штук!” — хвастается он.

А заканчивается статья так:

“Рон схватил Джимми за левое предплечье повыше локтя, его мощная рука стиснула тонкую ручку ребенка. Игла скользнула под нежную кожу мальчика, как соломинка в только что выпеченный кекс. Жидкость ушла из шприца, который заполнился ярко-красной кровью. Рон вновь нажал на поршень и впрыснул кровь обратно.

В продолжение всей процедуры веки Джимми были сомкнуты, но теперь он открыл глаза и быстро оглядывает комнату. Он взобрался в кресло-качалку и уселся там, его голова клонится и раскачивается вверх-вниз, наркоманы называют это «клевать»”.

Статья Дженет Кук, дополненная душещипательной иллюстрацией, с которой маленький Джимми протягивал руки к читателю, была снабжена множеством деталей, вроде бы устранявших малейшие сомнения в ее достоверности. Например:

“*Мать Джимми:* Она никогда не знала своего отца. Как и ее собственный сын, Андреа провела детство с матерью и человеком, с которым та прожила 15 лет. Она вспоми-

нает, что любовник матери постоянно склонялся к сожительствам и ее саму, и ее младшую сестренку, и Джимми — плод такого насилия. Подавленная и растерянная после его рождения (“Понимаете, даже не я дала ему имя! Моей сестре нравилось имя Джимми, и я сказала, хорошо, зови его так, не все ли равно. Понятно, что нужно его как-нибудь называть”), она очень быстро привыкла к героину, предложенному женщиной, кловшейся вместе с ее матерью.

Дом Джимми: В доме, где живет Джимми, всегда оживленно. Кухня и верхние спальни полны различного люда: человеческие существа всех размеров и форм шатаются по комнатам, некоторые взвинчены, нервны, им необходимо срочно “поправиться”, некоторые — тихи и безмятежны после того, как приняли дозу”.

Белые журналисты, а тем более редакторы, не часто посещают мир Джимми. Я никогда не употреблял ни героина, ни кокаина, и за все шестидесятилетие и семидесятилетие годы, возможно, с десяток раз затянулся марихуаной. С моей точки зрения, статья Дженет Кук буквально исходила именно те образы, звуки и запахи, которыми редакторы столь любят потчевать читателя. И мне никогда не могло прийти в голову, что все это неправда.

После того, как все открылось, некоторые журналисты, в частности, Кортланд Миллой, чернокожий репортер, хорошо знавший жизнь неблагополучных районов, рассказали мне, что они и раньше чуяли неладное. Миллой посадил Кук в свою машину, чтобы посмотреть на дом Джимми. После того, как они не смогли его найти, он поделился сомнениями с Милтоном Коулманом, весьма здравомыслящим редактором отдела городской жизни газеты “Вашингтон Пост”. Коулман сказал коллегам, что по его мнению, Миллой просто завистлив, но все же передал слова последнего Ховарду Саймонсу. Истории этой предстоял еще долгий путь, и Ховард своего мнения не высказал.

В день 13 апреля 1981 г., когда Кук присудили Пулитцеровскую премию, вся эта история — и мой мир вместе с ней — начала стремительно рушиться. Газета “Толидо Блэйд” где Кук когда-то работала, и агентство Ассошиэйтед Пресс подготовили ее биографические очерки. Эти жизнеописания оказались совершенно различными. Очерк Ассошиэйтед Пресс базировался на материалах комитета по Пулитцеровским премиям. Эти материалы, в свою очередь, основывались на фактах, сообщенных самой Кук несколькими месяцами ранее. В очерке “Толидо Блэйд” были использованы документы отдела кадров газеты, начиная со дня поступления журналистки к ним на работу несколько лет назад.

Противоречия были разительны. В одном очерке говорилось, что Кук с отличием закончила Вассарский колледж, в другом утверждалось, что она проучилась там только один год. В одном из очерков значилось, что она имеет степень магистра, полученную в Толидском университете, в другом — что у нее нет ученой степени. В одном очерке упоминалось, что Кук посещала лекции в Сорбонне — в другом об этом не было ни слова. В Пулитцеровской биографии говорилось, что Дженет Кук владеет французским, испанским, португальским и итальянским. В газетном очерке говорилось только о французском и итальянском.

Я могу точно указать момент, когда почувствовал, что получил удар под дых — утро, когда позвонила Дикси Шеридан из приемной комиссии Вассарского колледжа, чтобы сказать, что ей кажется, что у нас возникло “небольшое затруднение.” В этот же самый момент Саймонс говорил по телефону с Лоу Боккарди, тогдашним вице-президентом и заместителем главного редактора Ассошиэйтед Пресс, который объяснял, каково в действительности это “небольшое затруднение”.

Не то чтобы мне никогда не приходилось призна-

ваться в содеянном, начиная с подделки отцовской подписи в таблице с плохими оценками в пятом классе Декстеровской школы. К тому же мне нередко доводилось наблюдать, как другие признавали свои ошибки, что доставляло мне гораздо большее удовольствие. Но благодаря Уотергейту я получил жизненно важный урок: правда — лучшая оборона, а абсолютная правда — самая лучшая оборона.

Раз уж мы обнаружили фальсификацию, мы поставили перед собой простую задачу: “Вашингтон Пост” должна сама разоблачить обман Дженет Кук и сделать это лучше, чем кто бы то ни было. Но как этого добиться? Два десятка репортеров “Вашингтон Пост” попросили меня назначить их в бригаду расследования, но я быстро отверг все предложения. Я полагал, что подобное расследование лучше всего подходит для независимого омбудсмана.

Контракт омбудсмана позволял писать на любую тему по его собственному выбору. Его нельзя редактировать, ему нельзя давать заданий, его нельзя уволить. В тот момент, когда на нас обрушилась история с Дженет Кук, омбудсменом был Уильям (Билл) Грин. Билл никогда не был профессиональным журналистом. Говорят, что он работал пару лет в маленькой газете на Юге. Он работал в Индии от Информационного Агентства США, а также был специальным помощником бывшего губернатора Северной Каролины Терри Сэнфорда в тот период, когда Сэнфорд был президентом Дюковского университета. Он вел в этом университете сложнейший курс журналистики, был мудр и беспристрастен, и, по отзывам, сам уважал сотрудников и, в свою очередь, пользовался уважением коллектива.

За четыре рабочих дня Билл Грин выполнил невероятную работу: восемнадцать тысяч слов тщательнейшего отчета обо всем, что оказалось неправдой, занявшего верх первой страницы и еще четыре полных газетных листа.

Как же мог репортер, даже такой исключительно

талантливый обманщик, единственный на миллион, которого я так однажды описал, преодолеть редакционные барьеры газеты, особенно ценившей достоверность информации?

Грин пришел к выводу, что “Мир Джимми” проник в газету из-за неполадок в системе, которая в промышленности называется контролем качества, а в газетах редактурой. Опубликовав “Мир Джимми”, “Вашингтон пост” претерпела унижение в результате того, что редакторам изменил столь превозносимый ими профессиональный скептицизм, писал Грин в кратком введении к статье на первой полосе воскресного выпуска от 19 апреля.

Кук впервые привлекла к себе мое внимание письмом, где говорилось, что ей кажется, что после двух лет работы в “Толидо Блэйд” она способна на большее. Обычно редакторы получают ежемесячно десятки подобных писем. Письмо Кук выгодно отличалось от остальных: было ясно, что она превосходно пишет, у нее были великолепные рекомендации из университета и она была чернокожей. О подобном современный редактор может только мечтать. Я, отметив свою заинтересованность, передал ее резюме Вудварду, который тогда был заместителем заведующего отделом городской жизни. Выпускницы престижных колледжей, обладающие безупречным литературным стилем, не падают с неба. К тому времени над нами уже лет десять висело обязательство брать на работу больше высококлассных сотрудников из числа женщин и представителей меньшинств. Дженет Кук произвела отличное впечатление на беседовавших с ней редакторов, не исключая и меня, и лишь чернокожий заведующий отделом местной хроники Херб Дентон решил, что в ней что-то чересчур много “вассаровского”. Через полгода ее зачислили в штат.

Никто и никогда не проверял ее документов из Вассара. Это было нашей первой ошибкой, и эта ошибка была роковой. Если бы мы обнаружили, что она лжет, что на самом

деле у нее нет диплома Вассарского колледжа, то, конечно, все на этом бы и закончилось. И у нее не было бы больше возможностей совершать подобные ошибки.

Как случилось, что мы не проверили? Честно говоря, нам слишком хотелось взять Дженет Кук на работу, хотя она и была чересчур хороша, чтобы все это было правдой.

В нашей среде бытует шутка, что иногда журналист может наткнуться на столь великолепную информацию, или, еще вероятней, услышать столь фантастические слухи, что их просто жаль подвергать проверке. Начните это делать, и вы почти наверняка обнаружите доказательства, что все это высосано из пальца. Нам удается противиться искушению не проверять такие данные при подготовке материалов в газету, но нам не удалось избежать его в конкретном кадровом решении. Как раз тогда, когда мы отчаянно пытались заполучить побольше квалифицированных журналистов-женщин и представителей меньшинств, Дженет Кук представлялась настоящим сокровищем, которое ни в коем случае нельзя упустить. Казалось, чего еще ждать? Хватайте ее поскорей, пока этого не сделали “Нью-Йорк Таймс”, “Ньюсуик” или телевидение!

И ее приняли.

В “Вашингтон Пост” Дженет Кук буквально поразила всех — шутка ли, пятьдесят две публикации за первые восемь месяцев работы! Позже Билл Грин писал: “Она умела привлечь внимание. Когда она двигалась — она танцевала, когда она улыбалась — она сияла. Ее многочисленные новые туалеты всегда были безупречны”.

Работавшая с Дженет редактор Вивиан Эплин-Браунли так охарактеризовала ее Грину: “Талантлива, но слепо и необузданно честолюбива. Она носила вещи от Гуччи, Кардена и Ива Сен-Лорана. Как-то раз она отправилась на задание в черное гетто в дизайнерских джинсах, а возвратившись, рассказала, что ее спросили, откуда взялась такая шикарная негрityанка. Ей это казалось забавным”.

Темнокожие сотрудники редакции недолюбливали Дженет, возможно, потому, что она отклоняла их многочисленные приглашения. Она встречалась с несколькими белыми журналистами, но вообще-то ее гораздо больше привлекала работа, чем светская жизнь. Она призналась приятелю, что рассчитывает в течение трех лет получить Пулитцеровскую премию, и не позже, чем через пять лет, перейти в отдел общеамериканских новостей. Вскоре она чрезвычайно увлеклась заданием изучить появившуюся в городе новую разновидность героина, отличающуюся особо сильным воздействием на организм.

Дженет принесла 145 страниц рукописных заметок. Эплин-Браунли сочла, что они достаточно хороши, чтобы показать Милтону Коулману. Заметки понравились Коулману, и тот вызвал Дженет Кук, чтобы обсудить, как сделать из них связный репортаж. Во время этой беседы Дженет впервые упомянула, что слышала о восьмилетнем наркомане. Коулман отреагировал мгновенно. «Вот это материалчик! Займитесь им! Он может стать гвоздем первой страницы!»

Через три недели Дженет сообщила Коулману, что разыскала мальчика и даже разговаривала с его матерью. Коулман сказал журналистке, что матери мальчика можно пообещать полную конфиденциальность, а впоследствии и анонимность. Поэтому в тот момент он не настаивал, чтобы Дженет сообщила ему имя этой женщины.

Как не вспомнить Билла Грина с его выражением «Что еще остается редактору, если не доверять репортеру?».

Обязан ли был Коулман поинтересоваться именем мальчика-наркомана и его матери? Вероятно, да, и если не сразу, то очень скоро. Должен был он затребовать адрес? По зрелому размышлению, — да. Адрес — информация, которую может проверить кто угодно и когда угодно. Имя неизвестного человека — абстракция. Первый вариант очерка Дженет Кук, который все мы прочли, изобиловал

явно правдоподобными деталями: двухметровые диваны, полосатые футболки, стереосистема «Панасоник», жалюзи из имитации бамбука, горшки с искусственными растениями, ковры табачного цвета... Все это, казалось, не оставляет места для сомнений. Сначала мальчика-наркомана звали Тайрон, и мы даже знали, какую школу он посещал, когда не прогуливал уроков. Так мало-помалу, плавно, неотвратимо материал продвигался к публикации.

Я ничего не знал о мире Джимми. Я не могу себе представить, как смог бы познакомиться и, тем более, беседовать с матерью Джимми и ее сожителем Роном. Это касается и Ховарда Саймонса. К тому времени, когда статья оказалась готовой для публикации, каждый, имевший к ней отношение, поставил на карту многое.

Ранним воскресным утром 28 сентября 1980 г. было отпечатано 900 000 экземпляров «Вашингтон Пост». Служба новостей «Лос Анджелес Таймс — Вашингтон Пост» предоставила возможность опубликовать «Мир Джимми» трем сотням газет внутри страны и за рубежом. Джимми мгновенно стал сенсацией. Телефоны в редакции «Вашингтон Пост» звонили непрерывно. Начальник полиции всеми путями пытался разыскать мальчика и его мать. Полиция угрожала вызвать Кук в суд и потребовать все ее записи, но встретила сопротивление со стороны «Вашингтон Пост». Мэр Вашингтона Мэрион Барри быстро заявил, что городские власти знали о Джимми. Директор института наркологии при университете Ховарда доктор Элис Гуллатти также сообщила, что знает Джимми и его семью.

Я не очень верю тем, кто задним числом заявляет, что с самого начала сомневался относительно «Мира Джимми», — ведь статья Дженет Кук получила безоговорочное подтверждение со стороны мэра Барри и доктора Гуллатти. Эплин-Браунли была одной из первых усомнившихся, и она твердо настаивала на своем. Кортланд Миллой засомневался сразу же после того, как предложил Кук взглянуть на дом

Джимми, а та не смогла этот дом найти. Но их сомнения скорее относились к самой Дженет, нежели к ее статье. Никто не мог предположить, что Кук состряпала историю целиком. Еще хуже, что никто из редакторов не подумал о жизни и безопасности ребенка. Если бы мы настояли, чтобы наш врач осмотрел Джимми, мы бы избегли беды. Очень скоро, когда Кук начала работу над очередным “убойным” материалом о четырнадцатилетней проститутке и ее двадцатилетнем сутенере, Вудвард, бывший ее непосредственным начальником, и Коулман настаивали на личной встрече с этой проституткой. Поскольку встречи все время отменялись, мы решили, что проститутка с сутенером попросту куда-то скрылись. Не могло же произойти такого, что Дженет Кук придумала и их тоже.

В декабре, когда газеты представили лучшие работы на Пулитцеровскую премию, “Мир Джимми” был единственной заявкой от “Вашингтон Пост” по классу сообщений с мест.

А 13 апреля 1981 г. произошло самое худшее — “Мир Джимми” получил Пулитцеровскую премию.

Во время боя одна из самых ответственных задач команды эсминца — устранение повреждений. Корабль подстерегает множество опасностей — торпеды, таран летчика-камикадзе, взрыв котла и много чего еще, но в любой экстремальной ситуации необходимо сохранить плавучесть и вернуться на базу, чтобы после ремонта корабль вновь встал в строй. Эту премудрость я хорошо усвоил в бытность помощником командира группы ремонтно-спасательных операций на эсминце “Филипп”. Обязанности редактора-администратора “Вашингтон Пост” помогли мне понять, до какой степени важно устранение повреждений и в работе газетчика.

Для восстановительных работ в первую очередь необходимо точно и по возможности быстро описать повреждения. “Мир Джимми”, как бомба, рванул нашу ре-

дакцию, и мы начали восстановительные работы с изучения университетского прошлого Дженет Кук, естественно предполагая, что если она солгала в репортаже, то очень похоже, что это не единственная ложь. Я велел Милтону Коулману как следует “расколоть” мисс Кук, действуя в духе старой политической методы, о которой мне рассказал Джим Роув, влиятельный закулисный вашингтонский политик с большим стажем, в прошлом член “кухонного кабинета” Франклина Рузвельта. Именно Джим Роув по приказанию Линдона Джонсона проделал подобное с Хьюбертом Хамфри, прежде чем Джонсон окончательно решил, что именно Хамфри будет кандидатом в вице-президенты в их совместной избирательной кампании. Роув рассказывал, что операция заключается в том, что вы остаетесь наедине с интересующей вас персоной и беседуете на любые темы: о налогах, здоровье, подружках, состоянии финансов, воинском послужном списке, долгах, пагубных привычках, обо всем тайном и явном. И чтобы получить желаемый результат, обе стороны должны выложиться по-настоящему.

Коулман начал обрабатывать Дженет Кук в баре отеля “Хилтон”, расположенного недалеко от редакции. Поначалу Кук запиралась, но после того, как Коулман прямо из бара позвонил в Вассар, она пошла на попятную. По ее словам, в этом колледже ей пришлось столкнуться с психологическими проблемами, и посему она проучилась там всего год. “А как насчет языков?” — спросил Коулман. Дженет утверждала, что владеет четырьмя. “А как насчет Сорбонны?” — Дженет настаивала, что училась там.

“А репортаж о Джимми?” — спросил Коулман.

“Истинная правда,” — солгала Дженет.

Вот тут-то Коулман и позвонил мне, и мы предложили ему провести Кук со служебного хода в административное помещение на восьмом этаже. Билл Грин припоминает, что когда мы с Вудвардом вошли, Дженет Кук рыдала на диване. “Хватит заниматься ерундой!” — сказал Билл.

Дженет Кук не переставала защищаться — на свой собственный лад. Она призналась лишь в том, что подделала диплом Вассара. Внезапно я решил, что мы чересчур долго блуждаем вокруг да около (быть может потому, что она была женщиной, да еще чернокожей женщиной), и разговор пошел напрямую.

Сначала я попросил ее произнести пару слов по-португальски (лично я знаю на этом языке лишь слово “мел”). Она сказала, что не может. Я спросил, говорит ли она хотя бы немного по-итальянски. Она призналась, что нет. Я говорю по-французски с шести лет, и я начал задавать ей вопросы на этом языке. Французского она тоже не знала. Тогда я обвинил ее в откровенной лжи. Я сказал, что она пытается скрыть истину, как когда-то Ричард Никсон, и это-то ее жутко разозлило. Мне столь же неприятно было задавать вопросы, как и ей отвечать на них. Я предоставил ей двадцать четыре часа для доказательства, что рассказ о Джимми — правда, и ушел.

Вудвард сказал, что не верит в рассказ о Джимми и готов доказать, что это ложь, чего бы это ни стоило, и также покинул комнату.

Закончив разговор, мы отправили Коулмана вместе с Кук на поиски дома Джимми. Коулман позвонил через полчаса и сообщил, что дом не удалось найти. Он больше не сомневался, что Дженет все придумала. У нас не оставалось ничего, кроме самой Дженет Кук. Мы с Саймонсом разошлись по домам, оставив Кук на растерзание Вудварду, заместителю исполнительного редактора Тому Уилкинсону и Дэвиду Мараниссу, редактору отдела новостей из Мэриленда. Кук пожаловалась, что вопросы стали “чересчур жестокими”.

“Я не могу ничего добавить к моему репортажу”, — сказала она.

Наконец ее оставили наедине с Мараниссом, и Билл Грин так описывал их беседу:

Кук, плача: “Я так боялась, что мне придется оказаться наедине с вами. Увидев вас сегодня, я так сразу и подумала. Боже! Он все знает, и мне придется ему признаться. Я не могу ему врать. Я не могу признаться им. Я никогда ничего не скажу Вудварду. Чем больше он настаивает, тем больше я упорствую. Вилкинсон представляет администрацию. Это так много значит для Милтона (Коулмана). Вы умные ребята. Вудвард головой, а вы — сердцем... Почему вы улыбаетесь?”

Маранисс: “Я неожиданно понял, что сочувствую вам, потому что в столь жуткой ситуации у вас нашлись силы противиться требованиям могучей организации. Организация переживет эту историю”.

Маранисс и Кук дольше часа беседовали о ее детских годах, о том, что ей пришлось пережить, когда ее статью выдвинули на Пулитцеровскую премию.

“Вам не нужно никому ничего говорить,” — объяснил Маранисс, — “Это сделаю я. Что им сказать?”

И на этом испытание пришло к концу.

“Ни Джимми, ни его семьи просто нет,” — призналась Дженет. Ей казалось, что она знает о жизни этого круга людей вполне достаточно, чтобы выйти сухой из воды. Она прекрасно понимала, что Джимми никогда не будет найден, поскольку не существует. Она говорила, что даже молилась, чтобы ей не дали Пулитцеровской премии, и это безусловно первый и единственный случай в истории журналистики.

Было больше двух часов ночи, когда мне позвонили и сообщили новости, которых я ожидал уже несколько часов. Получив подписанное ею заявление об уходе — я не могу сейчас даже объяснить, почему позволил ей уволиться по собственному желанию, а не выгнал за тягчайшую провинность,— я разбудил Джо Пулитцера в Сент-Луисе и поставил его в известность, что мы возвращаем премию со всеми извинениями, какие только возможны. А уже в семь

утра я проинформировал о случившемся издателя Дона Грэма, и сказал, что если он сочтет это необходимым, то я немедленно подам в отставку.

Порой я сочувствую издателям. Лучшие из них, то есть те двое издателей, с кем я проработал всю жизнь, просят своих редакторов только об одном: если хотите, чтобы мы с вами приземлились, то мы должны с вами и взлететь. Дону и Кэтрин Грэм безусловно предстояло участвовать в этой посадке под обстрелом зенитной артиллерии и завистливых коллег, и врагов из лагеря правых, которые только и ожидали возможности потребовать мою голову.

В этих обстоятельствах, самых тяжелых за всю мою профессиональную жизнь, Дон Грэм поддержал меня открыто и чрезвычайно решительно. Мало того, что он не потребовал моей отставки — Грэм хотел, чтобы редакция поскорее преодолела последствия этого одиозного дела, усвоила трудный урок и спокойно занялась текущей работой.

Я всегда работаю не только продуктивней, но даже и более творчески, если мне приходится чистить авгиевы конюшни — лишь бы была крепкая лопата и надежные помощники.

Даже если бы куча на дороге была не столь велика, львы из Американского общества газетных редакторов — почти тысяча — именно в это время собрались на съезд в Вашингтоне. Не самая моя любимая компания, да и я не самый их любимый редактор. В это общество входят преимущественно владельцы и редакторы малых газет, многие из них — южане, представители среды, чьи проблемы и ценности не совпадают с моими. Это гордые представители истеблишмента, которые не любят писать о своих собратьях. Тем не менее президентом АОГР был мой старый приятель Том Уиншип, впоследствии редактор “Бостон Глоуб”, и кто-то убедил его, что я представляю интерес как председа-

тель оргкомитета, то есть человек, который составит программу четырехдневного съезда. В целом свете не нашлось бы никого другого, ради кого я стал бы председателем оргкомитета, особенно после того, как приглашение предлагалось словами: “Любой решит, что я спятил, поскольку предлагаю эту работу тебе”.

Программа, составленная мной, оказалась неплохой и хорошо сбалансированной, и во время церемонии открытия Том бочком подкрался ко мне и предложил организовать что-то вроде дискуссии относительно истории с Дженет Кук. “Это ужасно интересно”, заметил он, как будто я без него этого не знал.

По традиции, председатель оргкомитета включает в программу съезда одно или два ранних утренних заседания, в основном посвященные вопросам, интересным лишь немногим редакторам. Например, такая тема: “Анализ позиции редакторов... Насколько полезен такой анализ?”, аудитория соответствующая. Если вы сможете собрать на заседании пятнадцать редакторов, вы установите новый рекорд АОГР.

Я назначил на восемь часов утра заседание омбудсменов (институт омбудсменства меня лично очень интересует, но других — вряд ли). Председательствовал Чарли Сейб, бывший омбудсмен “Вашингтон Пост”, талантливый и знающий редактор “Вашингтон Стар”. Присутствующим сообщили, что история с Дженет Кук станет основным вопросом дискуссии и что председатель оргкомитета по собственному желанию будет присутствовать на заседании.

Итак, более 750 моих коллег и их гости да вдобавок еще пять телеоператоров заявили в семь утра, чтобы узреть, как мне устроят выволочку. Но мне удалось превозмочь суровое испытание благодаря тому, что на моей стороне был Дон Грэм. Фотографы в этот день сотни раз щелкали меня, и почти все время у меня на плече лежала рука Дона. Я никогда этого не забуду, и сейчас, годы спустя, его присутствие и столь откровенное проявление сочувст-

вия вызывают у меня теплое чувство. Вторым был мой предшественник по должности редактора "Вашингтон Пост" бывший президент АОГР, Расс Уитгинс, который приехал из Эллсворта, где редактировал (и продолжает редактировать) удостоенный приза еженедельник. Расс заявил, и каждый мог это услышать, что он был бы счастлив поучиться у журналистов столь высокого профессионального уровня, — и это после заявления многих редакторов, что в их газетах казус Дженет Кук был бы невозможен. Я никогда не забуду его благородства в этот день, да и в многие другие дни.

Не требуется особого ума, чтобы натворить такие ошибки, как мы с "Миром Джимми", точно так же как не требуется особого ума, чтобы извлечь соответствующий урок из таких ошибок и сделать надлежащие выводы:

Во-первых, практически не существует никакой защиты от искусного обманщика, втершегося в доверие редактора. Это в равной мере касается бизнеса, юриспруденции, медицины и любой другой деятельности. К сожалению, это случается, пусть и редко, и в самых лучших кругах.* Дженет Кук проработала в газете почти два года,

**Приведу несколько недавних примеров журналистских фальсификаций:*

Майкл Дэйли, обозреватель из "Нью-Йорк Дейли Ньюз" ушел в отставку в мае 1981 года после статьи с измышлениями о зверствах британских войск по отношению к ирландским мятежникам.

Телекомпания WABC поддельвала письма зрителей. Продюсер-распорядитель, режиссер программы, телерепортер и еще двое сотрудников были уволены.

В декабре 1981 года, меньше, чем через год после присуждения Дженет Кук Пулитцеровской премии, "Нью-Йорк Таймс Мэгэзин" на видном месте поместил статью, озаглавленную "На земле красных кхмеров", в которой описывалось посещение глубинных районов Камбоджи, где повстанцы сражались против режима диктатора Пол Пота. Описания боев были столь наглядны, что заставляли предположить, будто автор самостоятельно наблюдал Пол Пота сквозь заросли травы на дальнем склоне холма. Двумя месяцами позже появились статьи (в том числе в "Вашингтон Пост" и самой "Нью-Йорк Таймс"), разоблачающие автора, некоего Кристофера Джонса, никогда не покидавшего своего дома в Испании. Этот плагиатор умудрился слепить статью, надергав большие куски из своих собственных сообщений в журнале "Тайм" и романа Андре Мальро "Королевский путь", действие которого происходит в Камбодже. И другие...

и после происшествия с "Миром Джимми" тщательнейшая проверка всего, что она для нас писала, не обнаружила никаких иных сомнительных фактов.

Во-вторых, тщательно проверяйте заявление о приеме на работу и все рекомендации. Схватите обманщика за руку на этапе оформления на работу, и вы избежите таких неприятностей, которых не можете даже представить.

В-третьих, опасайтесь историй, в которые вам уж очень хочется поверить, не важно, по каким причинам. Точно так же не доверяйте журналистской манере легко принимать на веру информацию из непроверенного источника. Самым тщательным образом проверяйте сообщения о жуликоватом политике, брандмейстере-поджигателе, развратном проповеднике и начинающей своднице. А когда закончите, проверьте их еще раз.

При подготовке действительно серьезного материала найдите хотя бы одного несогласного и внимательно выслушайте все возражения. Если вы никого не нашли, попросите кого-нибудь отговорить вас опубликовать статью. Мы неизменно так поступаем, когда имеем дело с материалами, затрагивающими безопасность страны.

Для подготовки серьезного материала подбирайте скептически настроенных журналистов и редакторов. Поощряйте критическое отношение сотрудников к чужим материалам и воспитывайте авторов в духе внимательного отношения к критике со стороны их коллег.

И последнее: не впадайте в отчаяние от того, что легко совершить ошибку и что трудно обнаружить истину.

* * *

После кризиса из-за Дженет Кук я отправил Дону Грэму служебную записку следующего содержания:

"Я провел ряд встреч с редакторами нескольких отделов "Вашингтон пост", чтобы поделиться

ся с ними своими сомнениями и получить необходимую мне информацию. Неделий раньше я извлек немало полезного из разговоров с коллегами на съезде АОГР.

Я прочел более сотни писем, большинство из которых были полны ненависти, злобы и жажды мщения.

И наконец, в поисках решения я в одиночку исходил леса Западной Вирджинии:

Нетрудно перечислить причины нашего провала:

Мы оказали Дженет Кук чрезмерное доверие, несмотря на ее явно недостаточный профессиональный опыт и очевидные недомолвки в сведениях, которые она о себе представила. Я не вижу за этим никаких недостойных мотивов, связанных с расой, полом или чем-нибудь еще. Нетрудно назвать тех, кто за это ответственны — Коулман, Вудворд, Саймонс и Брэдли.

Мы пренебрегли даже поверхностной проверкой тех разделов ее резюме, где говорится об образовании. Я нахожу малое утешение в том факте, что мне не удалось обнаружить ни одной газеты (или юридической фирмы), где производилась бы подобная проверка.

Мы не настаивали на том, что доверие должно быть взаимным: редакторы должны доверять репортерам, а репортеры — редакторам.

Мы долго обсуждали проблему, следует ли репортеру, который оказался свидетелем преступления, сообщать о нем полиции, но к единому решению так и не пришли, возможно, из-за того, что слишком увязли в истории с Джимми.

Мы вообще проявили беззаботность в обращении с источниками, забыв об общеизвестном требовании проверять их с максимальной тщательностью, делая исключения из этого правила лишь в случае крайней необходимости.

Выяснилось, что обмен информацией между руководством редакции и сотрудниками идет сверху вниз. Очень плохо обстоит дело с информацией снизу вверх. Это беспокоит меня больше всего остального, скорее всего потому, что раньше я был уверен в том, что мои контакты с сотрудниками в высшей степени эффективны и я просто не смогу не заметить распространенных в редакции сомнений относительно достоверности репортажа о Джимми.

Я рекомендую принять следующие элементарные меры:

Необходимо ввести стандартную практику проверки всех без исключения пунктов резюме лиц, поступающих на работу, в особенности сведений о полученных дипломах.

Корреспондентам следует вменить в обязанность называть редакторам все использованные источники информации. Любое исключение из этой нормы вправе санкционировать лишь исполнительный редактор газеты и никто иной.

Необходимо вновь напомнить как корреспондентам, так и редакторам правила нашей газеты, регулирующие использование источников. Возможно, стоит дополнить этический кодекс нашей газеты в следующем духе:

“Источник полученной информации — это

чрезвычайно важный аспект любого материала. Знание источника позволяет читателям самим судить о том, какими мотивами мог руководствоваться информатор, предоставляя свои сведения. Поэтому в каждом случае следует приложить максимум усилий для получения разрешения источника полученной информации указать его имя.

В то же время нельзя не учитывать, что бывают обстоятельства, когда следует воздержаться от полного раскрытия источника. В таких случаях источник надо указывать настолько точно, насколько позволяет ситуация. Как минимум, источник должен иметь "географическую привязку" — Конгресс, Государственный департамент, Пентагон, Белый Дом... В этих рамках почти всегда возможны дополнительные уточнения — Палата представителей, Сенат, сотрудник аппарата (военный или гражданский), молодой, старый, мужчина, женщина, высокопоставленный или среднего уровня, и т.д. Очень важно, чтобы любые отступления от требования полностью называть источник были минимальны и делались с большой неохотой.

Необходимо добиваться, чтобы каждый сотрудник редакции не опасался поделиться своими сомнениями с начальником и коллегами.

Мы должны заранее продумать обязанности журналиста-свидетеля преступлений. Я сомневаюсь в разумности абсолютно жестких правил на этот счет, но нам все-таки необходимо на что-то опираться, принимая решение в каждом конкретном случае.

И, наконец, мы, как газета, не вправе терять

присутствие духа и обеспечивать себе легкую жизнь, избегая острых тем. Ни в коем случае нельзя отказываться от важнейшей функции газеты — влиять на общество".

Я никогда не умел увольнять работников, даже когда понял, что без этого невозможно стать хорошим руководителем. Как-то я спросил совета на сей счет у Роберта Макнамары, поскольку из всех моих знакомых ни один не мог сравниться с ним по части административного опыта, приобретенного в корпорации Форда, а позже — в Пентагоне. Я спросил Боба, как мне быть с 82-летним заместителем заведующего отделом местной хроники, заявившим, что если его уволят, он бросится вниз головой с моста на Калверт-Стрит. Макнамара рассказал, что в бытность президентом фирмы "Форд" ему пришлось выгнать с насиженных мест десятки высокопоставленных менеджеров, и почти все они грозили наложить на себя руки. Однако лишь один из них в самом деле попытался покончить счеты с жизнью, но и тут не справился с работой.

Я пытался передоверить увольнение, но из этого ничего не получилось. После того как редакционный рассыльный справил нужду в ящик стола спортивного комментатора Ширли Пович, я попросил заместителя редактора-администратора по кадрам Роберта Ли Бейкера уволить его. Бейкер прочел мне длинную лекцию о необходимости сочувствия, о том, что нужно прощать ближним их грехи, как они прощают мне, и в итоге парня так и не выгнали... до тех пор, пока через несколько месяцев он не напился снова и не завалился спать на диван в женском туалете.

Однажды я самолично уволил репортера за плагиат в статье об одном из исторических зданий Джорджтауна. Я сам живу в Джорджтауне, и как-то мой сосед, написавший об этом же доме статью для местного исторического обще-

ства, остановил меня на улице и сказал: “А я и не подозревал, что “Пост” одобряют плагиат”.

Я уволил молодую журналистку, с блеском закончившую Гарвард, которая надергала несколько абзацев у Сэлинджера, не соизволив даже сослаться на него, для статьи о двух новых жилых комплексах для одиночек в пригородах Вашингтона. Она получила работу в газете в Детройте, но через полтора года после увольнения из “Пост” покончила с собой. Воспоминания о ней преследуют меня до сих пор.

Я уволил и политического корреспондента, который сам сфабриковал высказывание, приписав его Роберту Кеннеди. Это была абсолютно безобидная фраза, против которой сам Кеннеди вряд ли бы возразил. Еще не весь тираж был отпечатан, когда позвонил Кеннеди и сказал, что не только не говорил ничего подобного, но даже и не встречался с репортером.

Я никогда не забываю казус Дженет Кук, но жизнь продолжается... Через три месяца после фиаско с Дженет Кук закрылась “Вашингтон Стар”. Такова жизнь. На сто двадцать девятом году жизни газета пала жертвой некомпетентности начальства. Когда семьи Кауфманов и Нойесов, чьи предки в 1852 г. основали эту замечательную газету, продали ее бизнесмену из Техаса Джо Албриттону, было уже поздно. Слишком поздно потому, что к этому моменту Фил Грэм купил “Вашингтон Таймс Геральд”, получив тем самым монополию на утренние издания, а хозяева “Стар” позволили Грэму удержать эту монополию, и это тогда, когда читатели начали отдавать предпочтение утренним газетам.

“Стар” получила еще один шанс выжить, когда Албриттон продал ее издательскому концерну “Тайм”, но даже столь могучая сила не смогла спасти газету. За год с небольшим в “Стар” инвестировали больше восьмидесяти пяти миллионов долларов, позаимствовали у “Пост” не-

сколько сатирических рубрик, бесцеремонно перемывали нам косточки в колонке сплетен под названием “Ухо” (и они-таки меня достали!), но потом просто слиняли из Вашингтона.

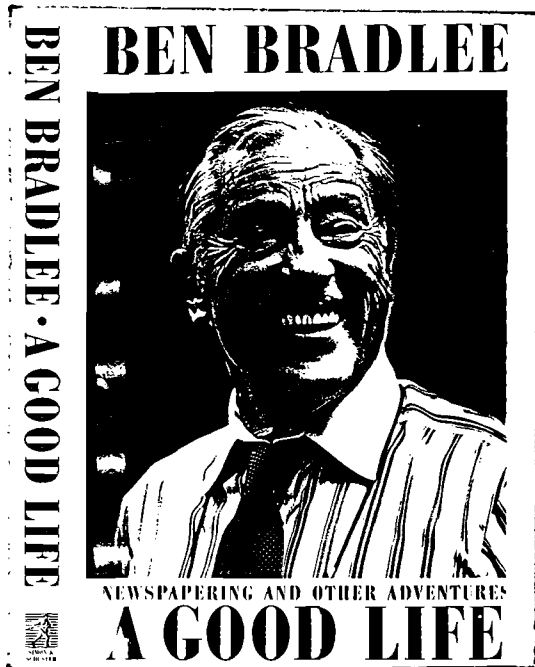
Они завещали нам умеренность и принципиальность. Это было делом рук редактора Ньюбольда Нойеса. Наш с Нойесом общий знакомый, прочтя обо мне несколько лестных материалов, спросил: “Не кажется ли вам, что вы могли бы сделать со “Стар” то, что Вы сделали с “Пост?”

Я ответил отрицательно.

После закрытия “Стар” мне удалось заполучить несколько лучших газетчиков страны, и, что особенно важно, легендарную Мэри Мак-Грори. Все в “Вашингтон Пост” — владельцы, редакторы, просто друзья, — годами пытались сманить Мэри из “Стар”. Она никому не подавала надежды. Слишком была предана своей газете. Многие годы я знал ее, любил и восхищался. В шестидесятые годы я был среди тех, кто удостоился чести таскать ее сумки и пишущую машинку во время президентской кампании (нас называли ее носильщиками). По части наблюдательности с ней не мог сравниться ни один вашингтонский корреспондент. Никогда не забуду ее колонку о слушаниях в Сенате, где утверждали кандидатуру некоего надутого новичка. Она ни разу не назвала его самодовольным, просто обратила внимание, что на нем надеты кричащие носки, и этого было достаточно.

Мы завтракали вместе. Я спросил: “Итак?” Она ответила: “Ладно”. Я спросил: “Сколько?” Она назвала сумму. Мы ударили по рукам, и это было все. Волна, поднятая Дженет Кук, начала отступать.*

**После ухода из “Вашингтон пост” Дженет Кук работала продавцом в Вашингтоне. Попробовала написать киносценарий о случившемся с ней. Вышла замуж за вашингтонского адвоката и ненадолго уехала с ним в Париж, но брак распался. Она отклонила предложение побеседовать со мной для этой книги.*

Право на публикацию полного текста книги Бена Брэдли на русском языке следует получить от издательства Simon & Shuster, которого представляет агентство Bratina & Shapland в Праге тел. 42-2-29-54-16, факс - 42-2-29-54-16.

ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ *

Питер Эндрюс

ГАЗЕТЫ

Принято считать, что первая в Америке попытка организовать регулярное периодическое издание была предпринята Бенджаменом Харрисом, который 25 сентября 1690 г. в Бостоне выпустил в свет первый номер журнала *Publick Occurences Both Forreign and Domestick* ("Зарубежные и местные общественные события"). Харрис был английским печатником, которого в Лондоне в свое время приговорили к позорному столбу за фабрикацию истории о якобы готовящемся заговоре папистов против британской короны. Сначала Харрис напечатал рассказ об этом мнимом комплоте, а затем, когда оказалось, что ничего подобного нет и в помине, приписал себе заслугу разрушения злодейских планов в зародыше. В Бостоне он попробовал издавать четырехстраничный ежемсячный форматом в тетрадный лист. В первом номере его газеты можно найти описание разнообразных местных событий — пожаров, самоубийств, эпидемии оспы. Было там и душераздирающее повествование о зверствах индейцев, "варварски перерезавших" сорок белых поселенцев, и даже заграничные новости — несколько фривольных историй о нравах французского двора.

Бостонские власти отнюдь не были в восторге от этой затеи. Сообщение о нападении индейцев выглядело особо неуместным, поскольку колониальная администрация предпочитала не ссориться с коренным населением. На четвертый день губернатор распорядился закрыть газету за публикацию "сомнительных и недостоверных сообщений".

* По материалам журнала *American Heritage*, October 1994